

# ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

## ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОЗИЦИЙ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЧЕРКЕСИИ 1856 ГОДА

**З.М. БАСИЕВА**

Крымская война (1853 — 1856 гг.) завершилась 30 марта 1856 г. подписанием в Париже мирного договора, который позволил России сохранить целостность ее владений на Кавказе [1, 107 — 122]. Договор не затронул условий Адрианопольского договора 1829 г., касавшихся кавказских владений, что позволило России продолжить свое утверждение в Черкесии. Россия в очередной раз получила юридическое «разрешение» держав на владение Западным Кавказом. Однако эта «формальность» для ее противников, и в первую очередь для Турции и Англии, не стала окончательной точкой в борьбе за Кавказ. Нейтрализация Черного моря и ограничения, наложенные на Россию в ее водах по Парижскому мирному договору, практически оставляли черкесский вопрос открытым. Регулярность прибывания на Черкесское побережье разных иностранных судов по своим масштабам даже превзошла аналогичную ситуацию, сложившуюся здесь после Адрианопольского договора 1829 г. Добиться действительной неприкосновенности кавказских территорий и полностью остановить нескончаемый поток антироссийской политической агитации Российской империи только предстояло [2, 628 — 634].

Как известно, еще в период Крымской войны Анапа была занята турецким отрядом и Сефер-беем [3, 550]. По окончании войны турки до последнего

затягивали освобождение этой крепости. В середине июля 1856 г. Сефер-бей все же был вынужден оставить «свою» крепость и искать новое укрытие. Беспорно, этим принудительным отступлением был нанесен чувствительный удар не только по самолюбию Сефер-бея, но и по его авторитету среди горцев. Продолжая настаивать на «законности» своей власти в Черкесии, Сефер-бей составил на турецком языке протестующее письмо на имя генерал-майора Г.И. Филипсона, которое вручили последнему посланцы паши — два натухайца и один представитель от шапсугов [4, 76]. Письмо паши, как и ответное послание Филипсона (датированное 15 июля 1856 г.), было переправлено Н.О. Сухозонету — военному министру Российской империи. В письме основные акценты были сделаны на следующие положения: во-первых, Сефер-паша указывал на то, что «ни в какое либо время никто не мог овладеть» Черкесией, которая, «несмотря на 28-летнюю войну с Россией», также остается непокоренной ею; во-вторых, он многократно отмечал, что черкесы составляют отдельный народ, который «и ныне», как в «прошедшие времена», будет «вместе с Турцией»; в-третьих, он продолжал делать вид, что черкесский вопрос все еще находится на стадии обсуждения в Париже. Он настойчиво повторял генералу один и тот же вопрос: «в чем состоит намерение России о на-

ших горах» и с «какой целью» и по какому праву русские «двинулись к нам»? [4, 77].

Генерал Филипсон заслушал послание и отправил паше также устный свой ответ, сославшись на отсутствие переводчика. Переняв «несведущую» тактику Сефер-бея, Филипсон намеренно несколько раз указал на его «самозванство» и обвинил его в «произвольном» присвоении титула турецкого паши якобы без ведома султана, претендовавшего на начальника всех черкесских племен. «Этого назначения никогда не было и быть не могло, — наивно восклицал Филипсон, — потому что оно противно трактату и воли султана». Генерал также доводил до сведения Сефер-бея, нарушавшего «самовольно» условия мирного договора, что «по трактату, заключенному 18-го (30-го) марта Россией с некоторыми державами, в том числе и с Турцией, кавказско-горские племена остались по-прежнему под властью императора всероссийского, а северо-восточный берег Черного моря объявлен по-прежнему в блокадном положении и России предоставлено право возобновить по берегу все свои укрепления, упраздненные пред начатием войны» [4, 77]. Эти слова были адресованы не столько паше, сколько широкой черкесской публике. Для Сефер-бея же у Филипсона нашлись другие слова, наполненные гневом, угрозами и призывами одуматься. Так, он обвинял пашу в том, что тот употреблял «во зло легкоеверие горцев», для своих личных выгод, и грозил ему карами свыше: «Перед Богом вы будете отвечать за пролитую кровь и за все бедствия, которые кавказские племена понесут от ваших недобросовестных внушений» [4, 77]. Он призывал Сефер-бея прекратить «упорствовать в начатом им» возбуждении горцев

против России «под предлогом их многого подданства султану». В заключение письма Филипсон пророчествовал паше, что его деятельность в Черкесии не сможет длиться вечно, и он будет вынужден вторично «бежать в Турцию» и там доживать «свои преклонные лета», но уже «в нищете и забвении». Генерал призывал его остановиться и пользоваться на родине «общим уважением по летам и происхождению». Он также обещал Сефер-бею, что российское правительство «со своей стороны» готово отдать должное его «благонамеренным действиям на действительную пользу края» и оценить по справедливости [4, 77].

Стоит отметить, что Филипсон не считал Сефер-бея Занокко опасным противником, авторитетным лидером, способным объединить племена шапсугов и натухайцев под своей единоличной властью и привести их в подданство султана. Он видел в нем старика без энергии, к тому же преданного пьянству. Однако русский генерал опасался другого — чтобы начатое пашой дело приведения в подданство не продолжил с большим успехом кто-нибудь более энергичный и способный [4, 76]. Заметим, что Филипсон был не одинок в своих нелестных оценках Сефер-бея.

Польский офицер Т. Лапинский имел достаточно близкое знакомство с Сефер-беем и его сыном Карабатыром. Последний, по словам Лапинского, «никогда не заботился о своем отце», точной копией которого являлся [5, 325]. Отдавая должное Сефер-бею, он отмечал, что его нельзя было приравнивать к турецким «систематическим обманщикам», и честно выделил его положительные качества, признав, что паша «был человек, которому была чужда скупость и алчность». Однако Лапинский не забыл указать и на главные

его недостатки. «У князя Сефер-бея, — писал он, — была бесконечно слабая голова», к тому же «он был недоверчив и упрям» [5, 326].

Надо отметить, что для представителей российских властей как на Кавказе, так и в Петербурге было не впервой столкнуться с такой не проходящей проблемой, как систематическое прибытие в Черкесию турецких агентов. «Такие как Занок возмутители» еще со времени заключения Адрианопольского договора 1829 г. являлись к черкесам «с грамотами и знаменами будто бы от турецкого султана». Протурецкая пропаганда, проводимая ими с невидимым упорством, не могла пройти бесследно. Командующие Черноморской береговой линией, озабоченные деятельностью турок в Черкесии, а также ответными визитами горцев в турецкую столицу, неоднократно обращались к российскому послу с просьбой «иметь наблюдение за горцами», приезжающими в Константинополь «под предлогом депутации к султану» [4, 76].

Начиная с 30-х гг. XIX в. российский посол был вынужден регулярно требовать от турецкого министерства, чтобы черкесским депутатам объявляли точный смысл Адрианопольского договора и давали им ясно понять, что султан лишен своих «прав» покровительствовать горцам, так как Черкесия вошла в состав Российской империи. Парижским договором 1856 г. Константинополь вторично был поставлен перед необходимостью воздерживаться от вмешательства в черкесские проблемы. Однако этот факт, как и раньше, не мешал Турции проводить свою прежнюю политику на Западном Кавказе. Эта политика, как и после русско-турецкого договора 1829 г., сводилась к одной цели — сохранять в горах веру в прежние формы покровительства султана и

в готовность османов протянуть руку помощи черкесам. Конечно, турецкое министерство «официально исполняло» повторяющееся требование русского посла объявить черкесам правду, но «под рукою внушало горцам совершенно противное» [4, 76]. Турецкие «внушения», как правило, подкреплялись дорогими подарками, придававшими особый вес словам турецких властей. Черкесы возвращались на родину, ободренные подарками и обещаниями «прислать им войска и корабли для помощи против русских». Для горцев, ведущих многолетнюю борьбу за сохранение привычной свободы, оказываемая им моральная поддержка имела немалое значение [4, 76].

Летом 1856 г. генерал-майор Филипсон стал поднимать вопрос перед командованием о необходимости в кратчайшие сроки наладить надежное крейсерство на кавказском побережье Черного моря. Серьезные опасения Филипсона вызывал тот факт, что снова «иностранные суда и особенно турецкие кочермы» «пристают свободно во всех местах и оттуда беспрестанно ездят в Константинополь толпы горцев», которые, возвращаясь, «волнуют против нас своих легковверных соотечественников» [4, 76]. Как известно из сведений Филипсона, после ухода турок из Анапы «18 июля приходил на Анапский рейд английский военный пароход “Страмболо”». Вышедшего на берег офицера интересовал один вопрос — «есть ли в Анапе турецкие войска, и объявил, что он послан за ними прямо из Константинополя», куда и собирался их забрать. Настоящая же цель прибытия англичан в Анапу Филипсону была неизвестна. Он лишь строил предположения, что англичане могли причалить на рейд для высадки очередной делегации горцев, доставленной ими из Турции,

или, наоборот, хотели кого-то забрать, или же они могли иметь поручение к Сефер-паше. Русский генерал выражал уверенность лишь в одном — что Сефер-бей «без сомнения, действует здесь (т.е. в Черкесии. — З.Б.) не без ведома и не без тайного содействия турецкого правительства» [4, 76].

После вынужденного отступления из Анапы Сефер-бей приступил к формированию отрядов из шапсугов и нутхайцев для совершения нападений на части анапского отряда, выходящего на фуражировку и для прикрытия порционного скота. Русские агенты тут же донесли командованию об этих подготовительных мероприятиях Сефер-бея. Начальник 3-го отделения Черноморской линии полковник П.Д. Бабич, опережая своего противника, пошел в масштабное наступление. Окружной начальник Екатеринодарского военного округа Черноморского казачьего войска полковник Борзиков, временно «исправлявший должность» наказного атамана, составил детальное описание военных происшествий на Черноморской кордонной линии. Борзиков в подробностях изложил и выход на «тропу войны» Бабича. По этим сведениям, Бабич с внушительными силами вечером 11 августа переправился у Варениковского укрепления через реку Кубань и направил отряд к реке Псебепсу, где он предал огню «заготовленное там сено и хлеб на пространстве 10-ти верст» [6, 696]. Вернувшись в укрепление без единой потери, Бабич немедленно стал готовиться к более масштабному походу с кавалерией и артиллерией. На этот раз понести наказание должны были жители аула Непитляч, которые всю прошедшую зиму тревожили 5-ю часть Черноморского кордона.

Аул считался в летнее время неприступным, так как был «под прикрытием

болотистой и непроходимой местности». Несмотря на труднодоступность аула, переправа через лиманы все же состоялась. Отряд был разделен на три части. Первый, под командованием подполковника Крыжановского, был направлен непосредственно к аулу Непитляч. Второй, под командованием есаула Барабаша, направился «вправо от аула к кошам», а третий отряд расположился «в разных местах для прикрытия переправы и дороги, по которой должны были возвращаться первые две части отряда». Таким образом, аул оказался в окружении хорошо подготовленных и вооруженных отрядов. Жители аула, не ожидавшие увидеть неприятеля практически у самого порога, застигнутые врасплох глубокой ночью, все же оказывали отчаянное сопротивление. Однако шансов на спасение при таком раскладе сил у них практически не оставалось. «Аул был сожжен и истреблен, жители частью перебиты, частью взяты в плен, скот и имущество разграблены» [6, 697]. Отряд Бабича немедленно, не дожидаясь рассвета, начал отступление к Кубани, уводя с собой пленных, угоняя отбитый у горцев скот в значительном количестве. Большая часть животных потонула в болотах. За Кубань удалось перегнать лишь около 100 голов крупного рогатого скота. Как и ожидалось, отряд Бабича на всем пути отступления подвергался преследованию и смелым атакам горцев. Предусмотрительно устроенная Бабичем засада из пластунов положила конец натиску горцев — черкесы были вынуждены отступить [6, 697].

Полковник Борзиков, вносящий в журнал военных происшествий подробные сведения об этих двух военных вылазках отряда Бабича, невольно дал им наиболее подходящую оценку, не встречающуюся более ни в одном из

известных нам русских источников. Он неоднократно по ходу текста называет совершенное Бабичем не иначе как *набегом*. Этим словом обычно обозначались только «хищнические набеги» горцев. Что заставило русского полковника обозначить традиционную по сути карательную экспедицию Бабича нетрадиционным в случае русских военных экспедиций выражением «набег»? Сместе предположить, что причиной послужила безусловная схожесть «замечательного набега» отряда Бабича в Закубанье с «хищническими набегами» горцев за русскую кордонную линию.

Расправа с аулом Непитляч придавала полковнику еще большую уверенность в силу его внезапных набегов. Вскоре лазутчики снова стали доносить российским властям о новых подготовительных мероприятиях Сефер-бея. Пользуясь отсутствием Мухаммеда-Эмина, паша отправился к абадзехам и убыхам, чтобы заручиться их поддержкой, «составить сборище и сделать прорыв в Черноморию» [6, 697]. Баби́ч, как и в первом случае, спешно начал готовиться к наступлению. 31 августа с усиленным отрядом он снова у Варениковского укрепления перешел р. Кубань и разделил отряд на две части. Одну из них возглавил подполковник Рашпиль, который должен был пройти «к рр. Псебепс, Шухо и Псиф», с остальными Баби́ч сам «двинулся через Шакон и Чекупс с тем, чтобы уничтожить на этих реках хлеба и сено». Отряд должен был снова соединиться на плоскости бывшего Гастагаевского укрепления [6, 697].

И снова отряду Бабича удалось пройти незамеченным «на пространстве более 40 верст от Кубани». Его появление оказалось страшной неожиданностью для горцев. Но на этот раз

черкесы не стали вступать в бой с превосходящими силами противника, они спешили спасти лишь свои семейства от неминуемой гибели. На пути следования отряд Бабича, придерживаясь своей надежной методики, «истребил жилища, запасы хлеба и сена» [6, 697]. Отчаянные попытки горцев противостоять этому «сезонному» нашествию закончились их полным поражением. 1 сентября еще две колонны были высланы по «рр. Шакону и Гастагаю для истребления продовольственных запасов» горцев, а 2 сентября была отправлена еще одна колонна — также «для истребления на полях хлеба и сена», после чего войска вернулись к своим местам. Так, пройдя огнем и мечом вглубь Черкесии, русские войска не понесли сами в этой «зачистке» практически ни одной потери. В завершение описания военных происшествий «летучего» отряда Бабича полковник Борзиков, подводя итоги, отметил, что в ходе этого движения были «истреблены в окружности на 80 верст все жизненные запасы, взято 6 душ в плен, отбито 185 шт. рогатого скота и 311 овец» [6, 697].

Таким образом, Парижский мирный договор 1856 г. не изменил существовавших границ между Турцией и Россией на Кавказе. Однако он не положил конец и турецкому вмешательству в регионе. Для Турции прекращение военных действий никогда не означало прекращения политической агитации и тайного покровительства горцам. Стамбул в очередной раз по факту игнорировал договоренности с Россией. Сохранять в горах веру в прежние формы покровительства султана и в готовность османов протянуть руку помощи черкесам становится их стратегической задачей. После Крымской войны с большей силой продолжилась протурецкая пропаганда и антироссийская деятель-

ность Сефер-бея среди горцев. С этого времени можно говорить и о начале нового этапа русско-черкесского противостояния. Послевоенная Черкесия становится удобной ареной для взятия

политического реванша и реализации имперских амбиций не только для Турции и Англии, но и для России, взявшей курс на бесповоротное утверждение в регионе.

- 
1. Юзефович Т.П. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.
  2. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
  3. Щербина Ф. А. История кубанского казачьего войска. Екатеринодар: 1913. Т. 2.
  4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее АКАК). Тифлис, 1888. Т. XI.
  5. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
  6. АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII.